

УДК 82'0
ББК 83

В. Д. Черняк, М. А. Черняк
Санкт-Петербург, Россия

V. D. Chernyak, M. A. Chernyak
St.-Petersburg, Russia

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «НАПОМИНАНИЕ»
В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

SPEECH GENRE "REMINDER"
IN CONTEMPORARY MASS LITERATURE

Аннотация. В статье рассматривается вторичный речевой жанр «напоминание», широко распространенный в современной массовой литературе. В диалоге с читателем авторы массовой литературы пытаются создать чувство интеллектуального комфорта.

Статус образованного человека соотносится со способностью хотя бы поверхностно ориентироваться в мире классической литературы. Жанр «напоминание» отражает ориентацию автора на ограниченный культурный багаж потенциального читателя и связан с игровыми интенциями при использовании прецедентных феноменов. Способность улавливать «интертекстуальное эхо» определяет уровень культурной и коммуникативной компетенции языковой личности, ее способность ориентироваться в игровом пространстве текста.

В статье показаны различные формы актуализации речевого жанра в тексте.

Ключевые слова: речевой жанр, массовая литература, автор, читатель, прецедентные феномены, интертекстуальность, лексикон, тезаурус, коммуникативная неудача, диалог.

Abstract. This article is devoted to the secondary speech genre "reminder", which is widely used in contemporary mass literature. This genre reflects the author's orientation on the limited store of knowledge of a potential reader. In a dialogue with the reader, the authors of mass literature try to create a feeling of intellectual comfort.

The status of a cultured person is correlated with the ability, at least superficially, to navigate the world of classic literature. The ability to capture the «intertextual echoes» defines the level of cultural and linguistic competence of language person and its ability to navigate the game space of the text. The "reminder" genre is connected with gaming allusions when using case phenomena.

The article shows different forms of actualization of the speech genre in texts.

Key words: speech genre, mass literature, author, reader, case phenomena, intertextuality, lexicon, thesaurus, communicative failure, dialogue.

Сведения об авторах: Черняк Валентина Даниловна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка.

Черняк Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы. Место работы: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

E-mail: vdcher@yandex.ru; ma-cher@yandex.ru

About the authors: Chernyak Valentina Danilovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Russian Language,

Chernyak Mariya Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Russian Literature

Place of employment: Herzen State Pedagogical University of Russia, St.-Petersburg.

Что в имени тебе моём?
А. С. Пушкин

Конец XX – начало XXI века ознаменовались снижением интереса к печатному слову, изменением характера чтения, которое стало более прагматичным и поверхностным; значительно сократилась доля чтения в структуре свободного времени – литература вытесняется на периферию. Социологи и культурологи отмечают тенденцию к усреднению и массовизации литературных предпочтений у современного читателя, понижение уровня его культурных притязаний, ориентацию на упрощение и развлечение. Выбранная в качестве эпиграфа к данной статье пушкинская строка (а

также скрывающаяся за ней аллюзия к Шекспиру) сегодня наполняется конкретным смыслом: многие ключевые имена и понятия отечественной культуры для современника оказываются содержательно опустошенными. Настоящая статья посвящена тому, как откликается на этот социокультурный феномен современная беллетристика.

У многих групп читателей, как показывают многочисленные социологические опросы, преобладают ориентации на наивно-адаптивный тип культурного поведения и потребления, наблюдаются отказ от анализа современности, склонность к развлечению и эскапизму, усреднению вкусов, ностальгия по «иной», либо прошлой, либо сказочной жизни [1]. Книги становятся инструментом первичной социализации, своеобразным

«учебником жизни» в принципиально новых социальных условиях.

Образованностью, компетентностью, вкусами и ожиданиями читателей во многом определяются судьбы литературных произведений и степень популярности их авторов, что не может не учитываться последними. Эстетический опыт В.Ф. Асмус называл «читательским прошлым»: «Два читателя перед одним и тем же произведением – все равно что два моряка, забрасывающие каждый свой лот в море. Каждый достигнет глубины не дальше своего лота» [2 : 119]. Дефицит читательской компетенции, масштабное отторжение классики современным читателем в значительной степени связаны с культурной аллергией на школьный курс литературы. Если общение языковой личности с классикой ограничивалось только рамками урока, во время которого тексты входили в сознание в лучшем случае без каких-либо усилий, приложенных для этого самой языковой личностью, в худшем – при ее внутреннем сопротивлении, вероятность того, что по прошествии достаточно большого отрезка времени «пройденные» по школьной программе произведения останутся в когнитивной базе в качестве полноценных прецедентных текстов, чрезвычайно мала.

В доступности текстов массовой литературы, ее клишированности и сиюминутности кроется очень серьезная опасность: читатель, выбирающий для чтения только подобную литературу, обрекает себя на полную утрату диалога с культурой, историей, большой литературой. Не случайно Б. Акунин постоянно повторяет, что мечтает о думающем читателе, а критики называют книги этого автора занимательным литературоведением.

В новой социокультурной ситуации авторы массовой литературы соотносят статус культурного человека со способностью хотя бы поверхностно ориентироваться в мире классической литературы.

В умении соответствовать «горизонту ожидания читателя» – залог успеха и писателя, и издателя. Поэтому столь часты довольно нарочитые, зачастую случайные, не связанные интертекстуальными маркерами, апелляции к классическому наследию. Строя диалог с читателем, авторы произведений массовой литературы стремятся создать у него чувство интеллектуального комфорта, которое достигается, в частности, общностью языкового кода и кода культуры автора и читателя. В то же время авторы, включенные в современный литературный контекст, склонны к литературным играм с читателем.

В когнитивную базу современной языковой личности входит достаточно объемный и разнообразный по содержанию корпус прецедентных текстов, текстов, которые по определению должны быть известны подавляющему большинству носителей языка. Количественный и качественный состав прецедентных феноменов (высказываний, имен, ситуаций), а также степень активизации их в речи конкретной языковой личности определяются многими факторами. Здесь большое значение имеют уровень образования личности, возраст, социальный статус, круг общения, круг чтения, сфера профессиональных интересов, личных увлечений и т. д. Все эти факторы определяют степень авторитетности для конкретного носителя языка определенных культурных, исторических, политических, общественных контекстов, а при обращении к литературе – готовность читателя воспринять посланный ему интертекстуальный сигнал.

Сам статус прецедентных текстов предполагает их наличие в тезаурусе рядового носителя языка. Р. М. Фрумкина отмечает: «В каждой культуре есть круг текстов, которые “положено” знать, и это “положено” распространяется на всех более или менее образованных или хотя бы просто грамотных представителей данной культуры. Мне трудно представить себе человека русской культуры, который не знает, кто такой Евгений Онегин. Пусть он и роман не читал, а из оперы слышал две арии. Наконец, пусть лишь слышал, что есть такая не то песня, не то просто музыка. Но именно “про Онегина”» [3 : 133]. На такое обязательное знание и ориентируются авторы массовой литературы. Показательны примеры из любовного романа А. Берсеновой «Ревнивая печаль»: *«Ты классику нашу читал? – улыбнулась Лера. – «Разве я – другие?» – так говорил один наш очень милый человек по имени Илья Ильич Обломов»*; *«Его [Мити, музыканта. – М. Ч., В. Ч.] одежда всегда оставляла ощущение изящества и благородства и была так же незаметна на нем, как платье на Анне Карениной»*.

В современных текстах нередко обнаруживаются и примеры коммуникативных сбоев в культурном диалоге между героями. Ср.: *«У Чехова есть рассказ, – сказала она [тележурналистка Ольга. – М. Ч., В. Ч.], не открывая глаз. – Забыла, как называется. Про княжну Марусю, у нее была чахотка. Она умирала и знала об этом. И представляешь, она все время огорчалась не из-за того, что умирает, а из-за того, что весь день так и не напилась чаю. Бахрушин сидел рядом на корточках и рассматривал*

*синеву у нее на висках и у рта. «Цветы за-
поздалые», – буркнул Бахрушин. Так назы-
вается. И это не рассказ, а повесть»*
(Т. Устинова. Богиня прайм-тайма).

Далеко не всегда автор может быть уве-
рен в том, что читатель в состоянии адек-
ватно интерпретировать или идентифициро-
вать сигналы интертекстуальности. Воспри-
ятие интертекстуальных элементов, включе-
ние их в ментальное пространство слушаю-
щего «осуществляется подобно наведенной
в сознании <...> рефлекторной дуге, дуге
условного рефлекса: намек (цитата или имя)
– и вот уже определенное явление социаль-
но-психологического характера или какое-то
событие общественно-политического, исто-
рического значения оживает, активизируется
в сознании слушающего, прецедент вступает
в игру» [4 : 217]. Маркеры интертекстуально-
сти, помогающие «наивному» читателю ат-
рибутировать интертекстуальное включение,
могут быть подготовлены автором массовой
литературы в виде прямого указания на ис-
точник в сносках или словах кого-нибудь из
персонажей или в эпиграфах.

Интертекстуальность массовой литерату-
ры апеллирует к культурной памяти усред-
ненного читателя, к культурному полю, свя-
занному прежде всего с кинематографом и
телевидением, с общеизвестными литера-
турными текстами. Способность улавливать
«интертекстуальное эхо» определяет уро-
вень культурной и коммуникативной компе-
тенции языковой личности, ее способность
ориентироваться в игровом пространстве
текста.

Интертекстуальные включения в тексты
массовой литературы получают различную
мотивацию: это и осуществление весьма
типичной для массовой литературы просве-
тительской, обучающей функции, и языковая
игра – своеобразное подтрунивание над
наивным читателем и приглашение к игре
читателя более искушенного. Так, в иро-
ническом детективе игра с прецедентными
текстами, рассчитанная на более искушен-
ного читателя, становится тем вторым пла-
ном, который отражает авторское представ-
ление о разных типах читателя, об их куль-
турной памяти и возможности воспринять
подтекстовую информацию:

*На круглом столе высился двухкило-
граммовый торт, вернее, то, что от него
осталось.*

*– Дары данайцев? – спросила я, ткнув
пальцем в бисквитно-кремовые руины. –
Борзой щенок от кого?*

– Что? – не поняла Галя.

*Девушка не только не знала легенды
и мифы Древней Греции, она даже не*

*читала Гоголя. Пришлось спросить о том
же, но попроще (Д. Донцова. Три мешка
хитростей).*

В этом контексте в современной массо-
вой литературе получил распространение
вторичный речевой жанр «напоминание».
В это название мы вкладываем прин-
ципиально иной смысл, нежели в соответст-
вующий первичный речевой жанр («Не за-
будь!»). В данном случае мы имеем в виду
прежде всего коммуникативную установку
автора – напомнить читателю известное вы-
сказывание, название произведения, персо-
наж (литературный, кинематографический
или исторический). Жанр «напоминание» в
массовой литературе обнаруживается при
включении в текст различных прецедентных
феноменов. Признаки речевого жанра (ком-
муникативная цель, образ автора, образ ад-
ресата, факторы прошлого и будущего) вы-
являются в более или менее протяженных
текстовых фрагментах.

Авторы произведений массовой литера-
туры, четко улавливая низкий уровень чита-
тельской компетенции своего адресата (ср.:
*Попробуй-ка найди в этом зале – да что
там в зале, на всем Тверском бульваре! –
хоть одного человека, который с ходу
вспомнил бы, кто такой граф Илья Анд-
реевич Ростов, что там за обед он уст-
раивал, что за книжка такая «Война и мир»
и даже кто ее написал (Анна Берсенева.
Женщина из шелкового мира)), по-своему
наследуют «учительную» миссию русской
литературы, которая и находит своеобраз-
ное воплощение в названном речевом жан-
ре, при этом в тексте своеобразно реализу-
ются различные аспекты социального вза-
имодействия коммуникантов, их интенции,
различие уровня культуры, При этом можно
выделить различные способы бытования
названного речевого жанра в тексте.*

1. Включение прецедентных феноменов
со специальным комментарием или без него
в авторскую речь:

*Когда на русского человека сваливаются
всяческие напасти, он первым делом ози-
рается по сторонам. А по сторонам, как
известно, находятся «посторонние». И
тут уж кто под руку попадется («Ты ви-
новат уж тем, что хочется мне ку-
шать», как писал Крылов) (В. Бенигсен.
Ряд);*

*Лучше всего человек запоминает
незаконченное дело. А дело, которое
закончено, быстро стирается из памяти.
Это в середине двадцатого века написали.
Открыли якобы такую закономерность. А
еще в начале девятнадцатого века*

Александр Сергеевич Грибоедов написал: «Подписано – и с плеч долой». И правильно написал. О законченном деле что думать? Оно уже сделано. И весь разговор. А незаконченное все время на память приходит, грызет человека, покоя ему не дает, сомнения будит (А. Маринина. Имя потерпевшего – Никто);

Гордый тем, что он «важный участник», Алеша купил букет восхитительно черных роз, так и просившихся в бокал «золотого, как небо, ай» (Б. Акунин. Смерть на брудершафт. Младенец и черт);

В квартире, которую сняли для них, стояли только три обшарпанные деревянные кровати и два дачных табурета, крашеных голубой краской. И опять она подумала, глядя на эти невесты откуда взявшиеся и невесты как сохранившиеся табуреты: **земную жизнь пройдя до половины...** Все хорошо, так мне и надо... (Д. Рубина. Вот идет Мессия!..);

И вот я стою, смотрю на удаляющуюся в сторону Московского вокзала дородную фигуру Кольки Никонова в добротном пальто с бобровым, барским, серебрящимся морозной пылью воротником (Н. Сорбатская. Литературная рабыня: будни и праздники).

Если в первых двух примерах авторы четко атрибутируют цитаты (жанр «напоминание» реализуется здесь в полной мере), в третьем примере очевидным маркером цитирования даже для некушленного читателя являются кавычки, в четвертом используется цитата, вошедшая в набор общеизвестных крылатых слов, то в последнем примере для распознавания трансформированной цитаты требуется хорошее знание текста «Евгения Онегина». В подобных случаях опознание интертекстуальных включений предстает как увлекательная игра, сложность которой может варьироваться в очень широких пределах – от безошибочного опознания цитаты из культового фильма (например, фразы «Восток – дело тонкое») до требующего достаточно высокого уровня культуры выявления глубинных аллюзий.

2. Включение прецедентных феноменов в персонажную речь.

Здесь жанр «напоминание» особенно отчетливо обнаруживается в диалоге. В приведенном ниже диалоге коммуникативная неудача, выявляющая принципиальное различие культурных кодов мотивирует включение жанра «напоминание», выполняющего здесь прямую дидактическую функцию и сопровождающегося ироническим авторским комментарием.

– Тина, с этим шитьем на коленях вы напоминаете маленькую княгиню в Лысых Горах.

Агния Львовна окинула снисходительным взглядом Тину, которая шила себе святочный костюм, сидя в круглом креслице у окна.

– В каких горах? – удивленно переспросила Тина. – Почему в лысых?

– Есть такой роман «Война и мир», – невозмутимо объяснила Агния Львовна. – Вам, возможно, приходилось слышать.

– Д-да... – покраснев, пробормотала Тина. – Только я его довольно давно читала.

– В школе вероятно. А когда вы учились, уже были такие сборники, где все романы Толстого изложены на двух страницах?

– Ещё не было.

... Она [Тина] воспринимала любые слова и соответственно составленные из них предложения так, как будто читала толковый словарь – до нее доходил только прямой смысл сказанного (А. Берсенева. Рената Флори).

Адресат, не способный распознать отсылку к тому или иному прецедентному тексту, даже уловив общий смысл сказанного, испытывает обычно «чувство недоумения и дискомфорта» [5 : 37], снимаемое соответствующим напоминанием (в приведенном ниже примере это дидактическое «напоминание» сопровождается типичной для массовой литературы оценкой культурного багажа собеседника):

– Был монастырь, из-за горы и нынче видит пешеход столпы обрушенных ворот...

– Это что такое?

– Это не что, Мага, а кто. Это Лермонтов, великий русский поэт. Ты в школе учился? (М. Юденич. Сент-Женевьев-де-Буа).

Жанр «напоминание» в определенных коммуникативных ситуациях может выполнять и иную функцию, подчеркивать настроенность собеседников на одну культурную волну.

– Ни я не был в нее влюблен, ни она в меня... Это была нежность. Ее ко мне – за понимание, моя к ней – из сострадания.

– «Она его за муки полюбила, а он ее за состраданье к ним»?

– Примерно так, – кивнул Кис, пытаясь припомнить, откуда цитата. Кажется, Шекспир. Он был мастером точных формулировок... (Т. Гармаш-Роффе. Расколотый мир).

Она все-таки сняла сапожки и влезла в большие тапки, расшитые причудливым узором.

– Это из Чада, – объяснил он. – Знаешь, что было на озере Чад?

– Ну, кроме того, что там бродил изысканный жираф, пожалуй, ничего. А что?

Он посмотрел на нее с восхищением:

– Любишь стихи?

– В общем, да. (Е. Вильмонт. Курица в полете).

В последнем примере отсылка к прецедентному тексту – стихотворению Н. Гумилева «Жираф» – способствует установлению контакта между собеседниками не только на коммуникативном, но и на более глубоко эмоциональном уровне.

3. Использование прецедентных феноменов в персонажной речи и их комментирование в авторской.

В повести А. Марининой «Имя потерпевшего – Никто» одна из героинь второго плана – Софья Илларионовна, старушка с университетским образованием, дочь профессора, – в разговоре со своим юным и очень необразованным жильцом также цитирует Грибоедова:

– Например, – отвечала она, пряча в углах беззубого рта усмешку, которую Сергей, к счастью, не замечал, – известное направление в психологии, которое называется «гештальт-психология», утверждает, что лучше всего человек запоминает незаконченное дело. А дело, которое закончено, быстро стирается из памяти. Это в середине двадцатого века написали. Открыли якобы такую закономерность. А еще в начале девятнадцатого века Александр Сергеевич Грибоедов написал: «Подписано – и с плеч долой». И правильно написал. О законченном деле что думать? Оно уже сделано. И весь разговор. А незаконченное все время на память приходит, грызет человека, покоя ему не дает, сомнения будит.

Интересна реакция собеседника Софьи Илларионовны на ее довольно развернутое высказывание:

Про Грибоедова Суриков что-то такое помнил из школьной программы, но не очень отчетливо. Чацкий там был какой-то, что ли... Все, что когда-то изучалось в школе, казалось ему скучным и ненужным, как впрочем, и все, что человек делает в принудительном порядке. И надо же, оказывается в этих книжках такие умные вещи были! Но учителя ведь не так рассказывали, как Софья Илларионовна. Может быть, если бы они были такими, как старуха Бахметьева, он бы учился лучше, с интересом.

Таким образом в несобственно-прямой речи эксплицируется отмеченная нами выше аллергия на школьный курс литературы.

4. Использование прецедентных феноменов в тексте и их комментирование в постраничных сносках.

В этом случае игра с читателем и своеобразная двойная адресация жанра «напоминание» особенно очевидны. Ср.: «Я шагнул в комнату и вновь ощутил приступ дурноты. Узкое, пеналобразное помещение напоминало комнату, в которой жил Раскольников» (Д. Донцова. Инстинкт Бабыяги). На имя дается сноска – «Родион Раскольников – главный герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». «Каким качеством более, чем лицедейским способностям, Артем был обязан своей головокружительной карьерой? Как там у классика: «Там моську вовремя погладит, Тут в пору карточку вотрет»? (Е. Гайворовская. Игра с огнем). Дается сноска – «Грибоедов А. С. «Горе от ума»».

Отмечая особую значимость интертекстуальных связей в современной литературе, М. Эпштейн пишет: «<...> теперь кавычки уже так впитались в плоть каждого слова, что оно само, без кавычек, несет в себе привкус вторичности, который стал просто необходим, чтобы на его фоне стала ощутима свежесть его повторного употребления» [6 : 281]. Однако для достижения отмеченного эстетического эффекта («ощущения свежести от повторного употребления») необходимо наличие у читателя общего с автором культурного кода, общего тезауруса и соответствующей текстовой компетенции, позволяющей почувствовать и актуализировать при восприятии представленные в тексте (даже рассчитанном на массового читателя) интертекстуальные связи. Весьма широко представленный в современной массовой литературе речевой жанр «напоминание» и призван эксплицировать в тексте оскудение культурного багажа современника, сделать прозрачными даже лежащие на поверхности интертекстуальные переклички.

В заключение отметим, что описанный нами речевой жанр наблюдается и в зарубежной (в частности в англоязычной) массовой литературе. Так, в прекрасно написанном психологическом триллере известной английской писательницы Рут Ренделл нередки текстовые фрагменты, демонстрирующие различие культурных кодов коммуникантов. Ср.:

– Мое настоящее имя Элиза. Иногда я думала, что Ив назвала меня в честь Элизы Дулиттл из «Пигмалиона».

– Что ты сказала?

– Потому что Ив задумала сделать со мной то же самое, что Пигмалион сделал с Галатеей и что профессор Хиггинс сделал с Элизой Дулиттл: он воссоздал ее заново, чтобы Элиза стала такой, какой он хотел ее видеть, или, скажем, чтобы воплотить в ней свой идеал.

Шон нахмурился, размышляя над ее словами.

– По-моему, похоже на мюзикл «Моя прекрасная леди».

В данном случае напоминание сюжета литературного произведения актуализирует у собеседника культурный опыт не читателя, а зрителя, что характерно для современной коммуникации. Таким образом, клишированность массовой литературы даже в лучших ее образцах проявляется в эксплуатации типичных коммуникативных ситуаций, объясняющих, в частности, востребованность описанного речевого жанра.

Еще раз подчеркнем, что массовая литература (и шире – беллетристика) неоднородна и по качеству создаваемых текстов, и по характеру взаимодействия автора и читателя. Она представлена различными литературными жанрами (детектив, иронический детектив, дамский роман, антиутопия, фэнтези и др.), демонстрирующими различные способы организации художественного текста и различную степень его «культурной насыщенности». Речевые же жанры, представленные в текстах, в том числе и жанр «напоминание» с характерными для него игровыми включениями, отражают типичные (хотя и в разной степени проявляемые) свойства массовой литературы, литературы, «которую читают все»: ориентация на широкого читателя, клишированность и стереотипизация коммуникативных ситуаций, упрощенность интертекстуального контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зоркая Н. Чтение в контексте массовых коммуникаций // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 2 (64). С. 60–70.
2. Асмус В. Ф. Чтение как труд и творчество // В. Ф. Асмус Вопросы теории и истории эстетики. М. : Искусство, 1968. С. 55–68.
3. Фрумкина Р. М. Размышления о «каноне» // Р. М. Фрумкина. Внутри истории. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 133–142.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
5. Слышкин Г. Г. От текста к символу : лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Академия, 2000. 128 с.
6. Эпштейн М. Постмодерн в России. М. : Издание Р. Элинина, 2000. 368 с.

REFERENCES

1. Zorkaya N. Chtenie v kontekste massovykh kommunikatsiy [Reading in the context of mass communications]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of public opinion], 2003, no. 2 (64), pp. 60–70.
2. Asmus V. F. Chtenie kak trud i tvorchestvo [Reading as labor and creativity]. *V. F. Asmus Voprosy teorii i istorii estetiki* [Theory and history of aesthetics]. Moscow, 1968, pp. 55–68.
3. Frumkina R. M. Razmyshleniya o «kanone» [Reflections on the «canon»]. *R. M. Frumkina. Vnutri istorii* [Inside history]. Moscow, 2002, pp. 133–142.
4. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. Moscow, 2003. 264 p.
5. Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to symbol: Linguocultural concepts of precedent texts in minds and discourse]. Moscow, 2000. 128 p.
6. Epshteyn M. *Postmodern v Rossii* [Postmodernism in Russia]. Moscow, 2000. 368 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике